

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Мотив дороги в лирике Б.Ш. Окуджавы

Исполнитель _____ Жукова Анастасия Викторовна _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат педагогических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой _____
(подпись)
_____ кандидат педагогических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна _____
(фамилия, имя, отчество)

«18» января 2024 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Смысловая парадигма мотива дороги в русской литературе	7
1.1. Генезис, становление и развитие мотива дороги в русской литературе	7
1.2. Основные тенденции развития мотива дороги в русской поэзии XX века...	16
Глава 2. Мотив дороги в поэтической системе Б.Ш. Окуджавы	25
2.1. Развитие мотива дороги в поэзии Б.Ш. Окуджавы	25
2.2. Особенности мотива дороги в стихотворениях Б.Ш. Окуджавы.....	36
Заключение	45
Список использованной литературы.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Выпускная квалификационная работа «Мотив дороги в лирике Б.Ш. Окуджавы» посвящена исследованию особенностей смысловой парадигмы мотива дороги в художественной системе лирики Б.Ш. Окуджавы.

Литературнонаследие Б.Ш. Окуджавы стало активно изучаться и описываться еще при жизни автора, с середины 1980-х годов, когда стали публиковаться статьи в газетах, журналах, сборниках, альманахах. Многие литературоведы как в России, так и за рубежом занимались научным осмыслением поэзии Б.Ш. Окуджавы. Среди научных работ, посвященных лирике Б.Ш. Окуджавы, следует отметить «Формирование авторской песни в русской поэзии (1950–1960-е гг.)» И.А. Соколовой, «Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века» С.С. Бойко, «Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности» Р.Ш. Абельской, «Художественное своеобразие ранней лирики Б.Ш. Окуджавы: 1950–60-е годы» З.А. Бутаевой. В центре внимания ученых оказывались вопросы, связанные с особенностями художественной картины мира, созданной поэтом.

Отметим, что художественная картина мира давно привлекает внимание ученых, поскольку является результатом особого способа освоения и отражения действительности. Комплексный подход к исследованию художественного опыта человечества позволил прийти к выводу о существовании глобальной картины мира, представленной произведениями разных видов искусства, в частности литературой [28, с.1626]. «Автор выбирает свой оригинальный способ описания действительности, благодаря чему формируется своеобразие его художественного мира» [21, с. 184].

Особенностью поэзии Б.Ш. Окуджавы является моделирование действительности, создание модели мира, в котором существенную роль играет пространство, в частности городское. С доминантой пространства в лирике Б.Ш. Окуджавы связано и то, что именно мотив дороги в поэтической картине

мира Б.Ш. Окуджавы одно из центральных мест. Будучи одним из самых древних и универсальных в словесной культуре, данный мотив находит свое отражение в литературе и языке столько же времени, сколько существует человечество.

Однако на сегодняшний день присутствует ощутимый недостаток специальных исследований, которые были бы посвящены анализу мотива дороги – как одному из лейтмотивов – в поэтической системе Б.Ш. Окуджавы, что позволяет говорить о новизне и актуальности данного исследования.

Мировой литературный процесс обладает особым свойством, имеющим отношение к повторяющимся во времени сюжетам, образам и мотивам, находящимся в тесной взаимосвязи с определенной эпохой, и наполняющим литературу новыми художественно-философскими смыслами. Это дает основания для характеристики исследуемого мотива дороги как исконного феномена, в котором – по мере развития культуры и общества – отражаются различные мировоззренческие представления. Анализ мотива дороги в творчестве Б.Ш. Окуджавы способствует углублению понимания семантики и поэтики художественного текста, определению новых способов интерпретации поэтических произведений автора. Выявление особенностей смысловой парадигмы мотива дороги в лирике Б.Ш. Окуджавы способствует выявлению специфических черт художественной системы поэта и определению его роли в едином глобальном литературном процессе.

Объект исследования: мотив дороги в лирике Б.Ш. Окуджавы.

Предмет исследования: особенности смысловой парадигмы мотива дороги в художественной системе лирики Б.Ш. Окуджавы.

Цель настоящей выпускной квалификационной работы – исследование особенностей смысловой парадигмы мотива дороги, его функционирования и роли в художественной системе лирики Б.Ш. Окуджавы.

Задачи выпускной квалификационной работы:

1. раскрыть понятие и сущность термина «мотив» в современном литературоведении;

2. определить истоки и проследить развитие мотива дороги в мировой литературе в диахроническом аспекте;
3. проанализировать развитие мотива дороги в русской поэзии XX века;
4. проанализировать функции и основные способы реализации мотива дороги в лирике Б.Ш. Окуджавы;
5. выявить особенности функционирования мотива дороги в стихотворениях Б.Ш. Окуджавы разных лет;
6. определить значение и трансформацию мотива дороги в лирике Б.Ш. Окуджавы.

Теоретической основой работы являются отечественные и зарубежные исследования, посвященные

– феномену мотива в целом: А.М. Архангельская, М.М. Бахтин, М.Б. Красильникова, Ю.М. Лотман, С.Ю. Неклюдов, И.В. Силантьев, Б.В. Томашевский, В.Н. Топоров, В.Е. Хализев;

– мотиву дороги в творчестве различных авторов: Л.А. Гончарова, Л.П. Грунина, Л.А. Дзаурова, В.А. Жихарева, Ф.Н. Керашева, Е.А. Мальцева, А.И. Самсонова;

– общим вопросам биографии и творчества Б. Ш. Окуджавы, а также мотиву пути (дороги, движения) в поэтических произведениях автора: Р.Ш. Абельская, М.А. Александрова, С.С. Бойко, З.А. Бутаева, Л.Д. Быков, В.В. Выдрина, В.А. Зайцев, А. Карстен, О.А. Клинг, S. Knežević, Н.Л. Лейдерман, Д.В. Мосова, О.М. Розенблюм, М. Romanska и др.

Методы исследования, примененные в работе: общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, систематизация), биографический, метод сравнительно-сопоставительного анализа, мотивно-образный, культурно-исторический, герменевтико-интерпретационный, концептуальный.

Теоретическая значимость работы состоит в детальном изучении мотива дороги в лирике Б.Ш. Окуджавы, а также в возможности применения результатов работы для исследования творчества других авторов.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы и выводы выпускной квалификационной работы могут быть использованы в учебных заведениях различного типа при рассмотрении вопросов, касающихся изучения литературного наследия Б.Ш. Окуджавы, мотива дороги в литературе и в творчестве указанного автора на уроках и занятиях по истории русской литературы XX века, а также на занятиях научного кружка, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных известному автору.

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 54 наименования. Во введении обосновывается актуальность работы, ставится проблема, формулируются цели и задачи исследования, определяются методы и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Смысловая парадигма мотива дороги в русской литературе» рассматриваются генезис, становление и развитие мотива дороги в русской литературе, а также выявляются основные тенденции развития мотива дороги в русской поэзии XX века.

Во второй главе анализируется мотив дороги в поэтической системе Б.Ш. Окуджавы. В первом параграфе исследуется развитие мотива дороги в поэтическом творчестве автора разных лет. Во втором параграфе сделан акцент на выявлении и изучении особенностей мотива дороги в стихотворениях Б.Ш. Окуджавы.

В заключении делаются выводы по проведенному анализу и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

ГЛАВА 1. СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА МОТИВА ДОРОГИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. Генезис, становление и развитие мотива дороги в русской литературе

Теория мотива активно разрабатывается в современном литературоведении, но имеет открытый, незавершенный характер. Различаются подходы к определению термина, к выявлению мотивов в конкретной практике анализа текста. Исследуя историю изучения мотива в отечественной и зарубежной филологии, И.В. Силантьев в диссертации «Мотив в системе художественного повествования» выделяет семантическую, морфологическую, тематическую и дихотомическую концепции мотива [40, с. 199].

Представители семантической концепции рассматривают мотив как элементарную единицу сюжета, обладающую семантической целостностью, поскольку она репрезентирует целостный образ [13]. Сторонники морфологической концепции изучают мотив как элементарную логическую единицу сюжета [20].

Для представителей тематической концепции мотив – это элементарная единица, выражающая целостную микротему [44]. Согласно дихотомической концепции, мотив дуалистичен по своей природе и включает в себя обобщенный инвариант и совокупность вариантов в контексте.

Итак, мотив как категория поэтики тесно связан с понятиями образа, сюжета и темы. Мотив семантически целостен, поскольку репрезентирует целостный образ. Мотив является элементарной единицей сюжета, то есть сюжет представляет собой систему мотивов. В то же время сюжет есть событийное развертывание ведущего инвариантного мотива, что роднит мотив с темой. Таким образом, мотив выступает не изолированно, а во взаимосвязи с другими категориями поэтики, в комбинации с другими мотивами. В различных исследованиях сам способ идентификации мотива через отглагольное существительное (мотив измены, мотив похищения и т. п.) сигнализирует об

определяющем положении предикативного начала в семантической структуре мотива.

Вместе с тем практика идентификации мотива допускает его обозначение через непредикативное слово – в этом случае либо под мотивом имеется в виду тема произведения (мотив чуда, мотив театра и т.п.), либо за этим словом всё равно подразумевается комплекс характерно-вероятных действий-предикатов (например, мотив пути предполагает такие предикаты, как «идти», «странствовать», «путешествовать») – и тогда за таким обозначением действительно скрывается повествовательный мотив [40, с. 77].

В основе термина «мотив» лежит идея движения (от лат. *moveo* – «двигать»), которая подчеркивает его свойство предикативности, поэтому представляется правомерным выделение мотива пути. Это один из наиболее частотных и эстетически значимых мотивов, определяющих сложение фабулы и развитие сюжета художественного произведения.

Как следует из определения мотива, его основной функцией является построение сюжета, однако мотив выполняет и другие функции. Б.Н. Путилов в монографии «Героический эпос и действительность» выделяет четыре функции мотива:

1. конструктивную («входит в составляющие сюжета»);
2. динамическую («выступает как организованный момент сюжетного движения»);
3. семантическую («несёт свои значения, определяющие содержание сюжета»);
4. продуцирующую (привносит новые значения в силу «заложенных в нем способностей к изменению, варьированию, трансформациям»).

Таким образом, мотив имеет две основные функции: структурообразующую (построение сюжета) и смыслообразующую (создание общей концепции произведения).

Мотив дороги или пути вечен и универсален. В мировой культуре имеется большое количество связанных с мотивом дороги устойчивых архетипов,

которые стали прецедентными феноменами: двадцатилетнее скитание Одиссея, лабиринт Минотавра, нить Ариадны, путешествие аргонавтов за золотым руном, странствие дантовского героя в загробном мире и многое другое. В метафоре пути заключена идея движения, слияния бытия и времени. Более того, часто дорога олицетворяет собой земной путь человека от начала (рождения) до конца (смерти).

Мотив пути в творчестве того или иного писателя нередко становился предметом отдельного исследования. Так, Г.И. Шевцова в диссертации «Художественное воплощение идеи движения в творчестве А.С. Грина (мотивный аспект)» исследует мотивы пути и дома, причем под мотивом понимается «устойчивый семантический компонент литературного текста, повторяющийся и словесно выраженный в нем» [51]. А.И.Куприянова в диссертации «Мотив пути в прозе В.П. Аксенова 1960-1970-х гг» определяет мотив как «элемент сюжетно-тематического единства, характеризующийся предикативностью и имеющий связь с подтекстом произведения», «единицу сюжета, взятую в аспекте ее повторяемости, типичности, имеющую значение традиционное (известное из фольклора, литературы, из жанровой традиции), и, вместе с тем, характерную для творчества данного писателя» [25]. Ф.Н. Керашева в диссертации «Религиозно-мифологический мотив пути в русском и немецком романтизме» говорит о мотиве пути как о «лейтмотиве романтизма, в котором реализовалась как мифологема пути древних сказаний, библейских и богословских текстов, так и философема «движение», характерная для эпохи XVIII века» [20, с. 5].

Дорога (путь) – это всегда процесс, становление, изменение, поэтому его можно рассматривать как одну из форм движения. Мотив дороги получает глубокое обоснование в трудах М.М. Бахтина, например, «Формы времени и хронотопа в романе», где он определяет хронотоп как существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. В литературно художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет. Время здесь, по мысли

Бахтина, «уплотняется, становится художественнозримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [4, с. 295].

Сама структура мотива предполагает ее заполнение, семантическое насыщение признаками художественного пространства и времени. М.М. Бахтин считает, что «мотивы по природе своей хронотопичны» [4, с. 247]; умотивов могут совпадать пространственно-временные характеристики, тогда они имеют общий хронотоп (например, мотив встречи и мотив обретения могут иметь общий хронотоп дороги), также «каждый мотив может иметь свой особый хронотоп» [4, с. 400].

Мотив путешествия, странствия берет свое начало из мифопоэтических и религиозных моделей мира. Образ пути-дороги присутствует в песнях, сказках, былинах, пословицах. В жизни древнего человека «дорога» имела значение нити, связующей его с внешним миром. Путь – это соединение двух определенных точек пространства. В современных исследованиях отмечается, что «дорога – посредник фольклорного пространства, связывающий внутренний мир-дом с внешним миром и дома друг с другом» [21, с. 11].

Путь-дорога обычно является завязкой действия и при этом неизменным компонентом художественной структуры на протяжении всего действия. Различие пути и дороги определял Ю.М. Лотман: «“Дорога” – некоторый тип художественного пространства, “путь” – движение литературного персонажа в этом пространстве. “Путь” есть реализация (полная или неполная) или не-реализация “дороги”» [22, с. 47].

В этимологических словарях русского языка отмечается, что слово «дорога» восходит к праславянскому *dъrgati, связано с глаголом дергать и означает «продранное в лесу пространство». В текстах слово «дорога» появляется с XIV–XV вв. [52, с. 139]. Помимо слова «дорога» фиксируется употребление слова «путь». В отличие от слова «путь», лексема «дорога» чаще употребляется в основном номинативном значении, т.е. как «пространство, по которому совершается перемещение». Слово «дорога» тяготеет к деловым и

обиходно-деловым текстам, в то время как «путь» связано с осмыслением нравственных категорий, а дорога – эмоциональных. Путь, прежде всего, – символ, дорога – образ [49, с. 187].

В.Н. Топоров отмечает «трудность» пути как важное и необходимое свойство: «Путь строится по линии все возрастающих трудностей и опасностей, угрожающих мифологическому герою-путнику, поэтому преодоление пути есть подвиг, подвижничество путника. Конец пути – цель движения, где находятся высшие сакральные ценности мира, либо то препятствие (опасность, угроза), которое, будучи преодолено или устранено, открывает доступ к этим ценностям» [45, с. 352].

Трудные задачи, например, всегда решают герои волшебных сказок. Чтобы достичь своей цели, они вынуждены преодолеть долгий путь, полный трудностей и опасностей: украдены золотые яблоки из царского сада – герой отправляется на поиски вора и добирается до другого края; царь ослеп – герой отправляется за лекарствами в места, куда не ступала человеческая нога; змеи похищают царских дочерей – герой отправляется на их поиски; кто-то убит – герой отправляется в путь, чтобы добыть «живую» и «мертвую» воду, которая находится там, «где горы головами бьются», и т.д.

Особую смысловую значимость несет развилка (перекресток), когда герой вынужден сделать выбор. Иногда путь связан с мотивом искупления (путь Христа на Голгофу). Христианская мифологема пути придает большое значение идее страдания как пути к достижению первостепенной цели каждого христианина – вечного спасения, идеи подражания Иисусу Христу, прошедшему путь страдания во имя искупления людских грехов.

С мотивом пути также сопряжены мотивы скитания и странничества. «Скиталец, – в словаре В.И. Даля, – тот, кто не живет оседло, скитается; бездомный, бесприютный, странник, шатун, бродяга. Странник же – тот, кто путешествует, посещает чужбину, совершает паломничество по святым местам». [14]. Непременный признак странника нищенство, страдание, немощь.

Понимание пути как пространственной материализации времени породило такие смысловые варианты, как жизненный путь, жизнь, исторический путь. М.М. Бахтин указывает: «Можно прямо сказать, что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути...» [4, с. 271].

Следует заметить, что в сознании русского народа дорога весьма редко воспринимается в положительном ключе – как путь в прекрасное светлое будущее. В большинстве случаев дорога в представлении русских людей была предвестником страданий, бед и тревог: богатырь не может выбрать одну из развилок, не потеряв при этом либо жизнь, либо коня или же свою память; по дороге юношей угоняли в рекруты; по дороге проходил скорбный путь из родного дома в ссылку. В образно-метафорическом плане дорога олицетворяет также духовный и нравственный путь человека, и, с точки зрения христианской религии, итогом такого пути должно стать духовное совершенство [39, с. 12].

По мнению А.М. Архангельской, путешествие по дороге как процесс перемещения во времени и пространстве ассоциировалось с представлением о мирской жизни человека, тогда как смерть – с переходом из одного мира, мира физической реальности, в другой – духовный – мир. Путь «на тот свет» и все, что с ним сопряжено, находит свое выражение в различных славянских пословицах, поговорках и фразеологических оборотах, описывающих состояние агонии, близости наступающей смерти и последние часы человеческой жизни [3, с. 6]. Таким образом, дорога является своеобразным посредником между своим и чужим миром, миром живых и мертвых.

Идея смерти раскрывается в выражениях «проводить в последний путь», «закончить свой земной путь». Идея смерти раскрывается в образе запавшей дороги (запасть, диалектное «перестать существовать, исчезнуть, пропасть»). Запавшая дорога – оборвавшаяся в лесу, болоте, занесенная снегами, потерянная при блужданиях в лесу – представляет собой конец жизни. В песнях снег замечает «все дорожки, все пути, негде к миленькой пройти»; в былинах – «прямоезжая дорожка заколодела, заколодела дорожка, замуравела».

В произведениях древнерусской литературы отправление в дорогу (путь) зачастую обуславливалось историческими обстоятельствами и связывалось с государственной необходимостью: завоеванием князьями и царями чужих территорий, защитой собственных владений от иноземцев или исследованием новых земель. Так, например, повесть «Задонщина» рассказывает, как князь Дмитрий Донской отправляется с войском в поход, чтобы сразиться с ханом Мамаем.

На примере известного древнерусского памятника литературы «Слово о полку Игореве» можно понять, насколько важен и ценен был мотив дороги для художников слова этого периода времени. В самом названии есть указание на мотив дороги: «Слово о полку Игореве» – это «Слово о походе Игоря». Также в произведении неоднократно употребляется слово «путь»: «Солнце ему тьмою путь заступало»; «Гзак бежит серым волком, а Кончак ему путь указывает к Дону великому». В тексте мотив дороги составляет основу сюжета. Кроме того, путь, который преодолевают герои, метафоричен. Это поиск правды, истинных ценностей, правильного выбора, от которого будет зависеть дальнейшее будущее.

Как и в фольклорных традициях, в произведениях древнерусской литературы дорога пролегает вдалеке от родного дома (князь Игорь выступает в поход на чужую землю); на пути герои встречаются с различными испытаниями (лес, болото, звери); также встречается мотив поля (поле, в котором заночевал князь Игорь, является границей между «своим» и «чужим» миром) [17, с. 716].

Мотив пути получает воплощение в XIV-XV веках в жанре хождения, когда впервые выходят «Хождение игумена Даниила из Земли русской», «Хождение за три моря Афанасия Никитина», в которых развивается сказочный вариант мотива путешествия. Автобиографичность и лиричность «Хождения за три моря», выражающего внутренние волнения и настроения автора, явились основой для создания новых произведений в жанре «путешествия».

Эпоха великих географических открытий (XV–XVI вв.), появление авантюрного романа, рыцарского романа способствуют развитию жанра путешествий в XVII–XVIII веках. Впечатления о посещении Германии, Швейцарии, Франции и Англии стали основой книги Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника». Сентиментальное путешествие имело своей целью раскрыть внутренние качества человека, показать слабости и достоинства, двойственность характера и значимость сиюминутных впечатлений для его становления.

Дорога из Петербурга в Москву привела к созданию А.Н. Радищевым его самого известного труда – «Путешествия из Петербурга в Москву». Писатель не только следовал русской традиции жанра путешествий, но и наполнил его злободневным содержанием. Перед читателем путешественник, живущий не собственными интересами и мыслями, а активно борющийся за свою страну и народ. А.Н. Радищев он показывает нравственные принципы героя-путешественника, подчеркивает его отзывчивость и беспощадную требовательность к себе. Важно отметить, что в это время мотив пути усложняется: путешествие не только образует сюжет произведения, но и позволяет раскрыть сложную психологию героев, а также выявить авторскую позицию.

Мотив дороги и пути продолжает свое развитие в русской классической литературе XIX века, выступая как в роли сквозного сюжета, так и обретая новые символические значения. Наиболее существенным и важным указанный мотив становится в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Н.В. Гоголя и А.П. Чехова. Литература и, прежде всего, поэзия Серебряного века (конца XIX – начала XX века) по-своему переосмысляет мотив дороги. Это было время научной, технической и культурной революции и кардинальных перемен во всех сферах жизни, вызывавших много раздумий, споров и волнений, что в свою очередь порождало чувство тревоги, одиночества и безысходности. В творчестве авторов Серебряного века часто

встречается мотив духовного путешествия или странничества с целью поиска некоего идеала (иного мира или Бога).

Разрушение прежних традиций и потеря истинного пути (веры, жизненных ориентиров) связывались с мотивом бездомности и бесприютности, что нашло отражение в поэзии А.А. Блока, Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама, С.А. Есенина, В.В. Маяковского и др. [39, с. 14].

Таким образом, постепенно происходит разрушение фольклорной системности образа пути-дороги. Теперь он может восприниматься и как элемент пейзажа, и как какая-то этнографическая, географическая реалья, как деталь изображаемого. Образ пути-дороги получает и метафорическое воплощение: становится символом страны. Индивидуально-авторское понимание данного мотива теперь определяет особенности его функционирования в художественном тексте. Фольклорная слитность «пути» и «дороги» теперь тоже начинает разрушаться. В литературе «дорога» и «путь» могут быть слиты воедино, а могут существовать и отдельно. Фольклорной дороге, обязательно имеющей некий отмеченный конец, противопоставляется в литературе дорога бесконечная. Фольклорный принцип соединения дорогой «своего» и «чужого» миров отменяется в литературе. В фольклоре чаще всего именно путь выбирает героя. В литературе же выбор пути героем принципиально значим.

Итак, мотив пути-дороги в литературе переосмысливает его фольклорное понимание. Изменяются и функции мотива пути: от описательных, сюжетообразующих функций к психологическим, которые помогают выразить идеи произведений. Мотивы «дороги» и «пути» могут быть слиты воедино, а могут существовать и отдельно.

1.2. Основные тенденции развития мотива дороги в русской поэзии XX века

Новый импульс развития мотив дороги получает в поэзии XX века. Анализируя основные тенденции и мотивы русской эстетической мысли начала XX века, С.С. Хоружий соотносит их с двумя картинами бытия: статической и динамической [24, с. 206]. Доминирующей, определяющей интенции культуры этого периода становится динамическая картина, именно она соединяется со стихией, ветром, мотивом дороги (пути) и проявляется прежде всего, в поэзии А.А. Блока. Неизменный лейтмотив лирики А.А. Блока – прощанье с домом, добровольный уход из него. Влекомый, музыкой ветра, замороженный ею, он предпочитает дому дорогу:

Под шум и звон разнообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

(«Под шум и звон однообразный», 1909)

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг...

(«Посещение», 1910)

Как не бросить все на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

(«Дикий ветер», 1916)

Состояние души поэта отвечает общему мироощущению эпохи. Психологические ожидания, настроения эпохи, жажда «нового неба» и «новой земли» диссонируют с «чувством» очага. Слово «уют», указывающее на

домашнюю обустроенность, приобретает налет обыденности и пошлости [24, с. 206].

Не найти мне места в тихом доме

Возле мирного огня!..

...Голоса поют, взывает вьюга,

Страшен мне уют...

(«Милый друг, и в этом тихом доме...», 1913)

Пускай зовут: Забудь, поэт!

Вернись в красивые уюты!

Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!

Уюта – нет. Покоя – нет...

(«Земное сердце стынет вновь...», 1911–1914)

Мотив пути-дороги является ключевым в лирике С.А. Есенина, он прослеживается в стихотворениях «Сыплет черемуха снегом...», «Дымомполоводье...», «Калики», «Край любимый! Сердцу снятся...», «На плетнях висят баранки...» и др.

Жизнь человеческая во многом напоминает путь, имеющий две определенные точки в пространстве: начало и конец. Эта аналогия раскрывается через трудности, которые мы преодолеваем, следуя по реальной дороге, что отражается в стихотворениях С.А. Есенина: «Сохнет стаявшая глина...» и «По дороге идут богомолки». В приведенных примерах мотив дороги становится смыслообразующей ступенью, обладающей особой эмоциональной наполненностью.

Образ пути-дороги в творчестве С.А. Есенина метафоричен, он обозначает постепенный ход общей человеческой истории:

На вратах монастырские знаки:

«Упокою грядущих ко мне»,

А в саду разбрехались собаки,

Словно чуя воров на гумне.

Лижут сумерки золото солнца,

В дальних рощах аукает звон...

По тени от ветлы-веретенца

Богомолки идут на канон.

(«По дороге идут богомолки», 1914)

В этом стихотворении автор описывает тернистый путь насекомых, проводя параллели с христианской жизнью, ведущей к спасению человеческой души. С помощью образа дороги С.А. Есенин осмысливает и интерпретирует не только окружающий его мир, но и себя самого. Метафора пути является образным изображением бытия человека в мире. В данном случае метафорами пути и дороги человек символически отвечает на вопросы о себе, о том, кто он есть и в чем смысл его назначения. Путь становится одним из главных феноменов, с помощью которых проводится символическое осмысление морально-нравственных ценностей человека [15, с. 26]. Образ дороги в творчестве С.А. Есенина наполнен нежностью и ярким цветом: она у поэта желтая, белая, серебристая, но всегда наполнена теплом; «...не чужда тропинка» («Тебе одной плету венок...», 1915), «...тропинкой кривенькой» («По селу тропинкой кривенькой...», 1914). В стихотворениях автора позднего периода появляется мотив бездорожья, который выражает внутренние страхи лирического героя за будущее Родины. Поэт восклицает: «О, мать божья, спади звездой на бездорожье, в овраг глухой». Мотив дороги дает С.А. Есенину возможность нарисовать многообразную картину русской жизни, а «герой пути» – странник, путешественник, изгнанник – становится центральным образом многих стихотворений поэта.

Во многих стихотворениях В.В. Набокова также присутствует мотив дороги. Жизненный путь в лирике В.В. Набокова – это движение по лестнице или горе. Причем, жизнь всегда начинается внизу, на первой ступени лестницы, у подножия горы, а завершается на вершине. Иллюстрацией этому может послужить стихотворение 1972 года «Как любил я стихи Гумилева!»:

И умру я не в летней беседке

от обжорства и от жары,
а с небесной бабочкой в сетке
на вершине дикой горы.

(«Как я любил стихи Гумилева», 1972)

Движение по лестнице осуществляется по вертикали, этапное движение от рождения к старости. Осуществляя движение по лестнице, лирический герой может вернуться в свое детство или юность. Детство – это шаг на первую ступень. Войти в мир детства можно из любого момента жизни, из любого возраста, достаточно только наклониться:

Но, с далеким найдя соответствие,
очутиться в начале пути,
наклониться – и в собственном детстве
кончик спутанной нити найти.

(«Парижская поэма», 1943)

Одним из поэтов второй половины XX века, в чьем творчестве мотив дороги играет ключевую роль, является Р. Рождественский. Поэт все время звал своих читателей и слушателей в дорогу. Он любил и хотел путешествовать и призывал к этому своих читателей («О разлуке», «В пути»). Дорога становится символом нового времени. А стихотворение «Двое» символизирует наступление новой жизни. Уже не безликая масса идет к будущему, а двое; не слитное счастье, а счастье для двоих, естественное и необходимое.

Поэтический сборник Р. Рождественского «Дрейфующий проспект» показателен с точки зрения развития мотива дороги в контексте творчества поэта. Акцент с движения в дороге здесь смещается в сторону бытийной, метафизической и ментальной сферы, а также в сторону межличностных отношений. Все это указывает на напряженную внутреннюю борьбу и огромную душевную обеспокоенность автора по поводу происходящих в стране событий.

Лирический герой Р. Рождественского непрерывно находится в дороге, в связи с чем указанный мотив можно, безусловно, считать одним из

лейтмотивов его поэтического мира. Поскольку поэт желал отобразить главные духовные запросы общества и его порыв в новое будущее, то мотив дороги связан у Р. Рождественского с ожиданием, надеждой на нечто доброе, светлое и преодолением трудностей, которые встречаются на жизненном пути [13, с. 56].

Одним из самых ярких и запоминающихся образов в поэзии XX века – это железная дорога. Для В.В. Набокова – это, в первую очередь, та сила, которая может связать две реальности. Сны или воспоминания в «рыдающем вагоне» могут перенести обратно в утраченный рай, в детство, в Россию. Оппозиция мир прошлого – мир настоящего соответствует противопоставлению Родина – Чужбина. Родина представляется пространством невозвратного прошедшего, эмиграция – пространством настоящего.

Дорога черная, без цели, без конца,
толчки глухие, вздох и выдох,
и жалоба колес, как повесть беглеца
о прежних тюрьмах и обидах.

(«В поезде», 1921)

В стихотворении В.В. Набокова «В поезде» железная дорога соединяет «нерусское» настоящее и воспоминания о времени, проведенном в России, мир света (покинутого дома) и мир черных дорог «без цели, без конца» (чужбины). Пленный беглец во сне переносится в прошлое. Воспоминания о молодости наполнены светом («по занавескам свет, как призрак, проходил» «Блестя, поплыли прочь»), ассоциируемые со святостью, сменяются «чудовищной ночью», где жизнь лирического героя похожа на «жалобу колес». Лишь засыпая в поезде, может осуществиться воссоединение с родиной, представляющееся нереальным в действительности. Принцип контрастности помогает автору более ярко выразить отношение к родине, всеохватно нарисовать ее образ.

Восприятие железной дороги как «адовой», а паровоза как inferнального чудовища обусловлено и их внешним видом, и потенциальной угрозой аварии. Так, для И.Ф. Анненского паровоз – «огнедышащий дракон», а вагоны – «гробы»:

А с ним, усталые рабы,
Обречены холодной яме,
Влачатся тяжкие гробы,
Скрипя и лязгая цепями

(«Зимний поезд», 1908)

Столь негативное восприятие связано с тем, что железная дорога становится одним из символов самонадеянности человека и шире – гибельности избранного пути технического прогресса в противовес нравственному развитию. В стихотворении Н. Рубцова «Поезд» повторяется одна и та же строка «...Перед самым, может быть, крушеньем»:

Посреди миров несокрушимых.
Поезд мчался с прежним напряженьем
Где-то в самых дебрях мирозданья,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья.

(«Поезд», 1966–1969)

Структурирующим лейтмотивом в этом стихотворении становится ожидание катастрофы. Описываемая ситуация напрямую соотносится с человеком вообще, а не с каким-то отдельным героем. Последнее четверостишие не оставляет сомнений в том, что поезд – это метафора планеты Земля, а катастрофическим может стать путь самого человечества.

Подобные рассуждения о потере духовности, о порабощении человека техникой можно обнаружить и в творчестве М. Волошина:

Свист, грохот, лязг, движенье – заглушили
Живую человеческую речь,
Немыслимыми сделали молитву,
Беседу, размышленье; превратили
Царя вселенной в смазчика колес.

(«Пар», 1922)

С одной стороны, железнодорожный состав, будучи мощным механизмом, способен разрушить хрупкую человеческую жизнь. Таких сюжетов в литературных произведениях немало. Это и железнодорожные катастрофы, результатом которых становится гибель множества людей, и собственный выбор человека, решившего проститься с жизнью:

Железнодорожные рельсы!..
И насыпь!.. И стрелки сигнал!
Как в глину размытую поезд
Слетел, низвергаясь со шпал.
Картина разбитых вагонов!..
Картина несчастных людей!..

(А. Белый. «Петербург», 1913)

С другой стороны, железная дорога в литературе стала устойчивым символом жизненного пути. Такую трактовку образа дает М. Алигер: «Жизнь моя – железная дорога, вечное стремление вперед» («Железная дорога», 1934). Р. Рождественский, размышляя о жизненном пути, использует тот же образ, он пишет о метафорическом выборе между двумя возможностями – сойти с поезда, убежать от «грязи», «тряски», «плача ребенка в соседнем купе» или продолжить путь, чтобы «за ветром продолжить погоню» («Выбор», 1956). Выбор делается в пользу дороги.

Железная дорога – это, прежде всего, именно «дорога», «путь», ведущий к изменениям в судьбе, уводящий в неизвестность. Кому-то она позволяет покинуть места, принесшие страдания, кому-то – влиться в общее движение, забыв о покое [28, с. 80]:

Город душу обрѣк страданью,
Город душу мою связал.
Потому нет прекрасней зданья
В каждом городе, чем вокзал.

(И. Северянин. «Гимн вокзалу», 1935)

В массовом и в индивидуальном сознании укрепляется образ прямого, устремленного вдаль, в светлое будущее. В стихотворении М. Алигер «Железная дорога» (1934) лирическая героиня воспринимает железнодорожные пути как дорогу, уводящую навсегда от невзгод и боли, как путь к лучшему: «чтобы мне навек остались скорость, / вечное стремление вперед!». Для лирического героя стихотворения Я. Смелякова «Я сам люблю железную дорогу...» (1939) путешествие по железной дороге также символизирует стремительную динамику движения жизни вперед и окрашивается в положительный модус восприятия:

Я сам люблю железную дорогу,
Звонки, свистки и предотъездный гам.
Я сам влюблен в дорожную тревогу,
В движение вагонов по путям.

(«Я сам люблю железную дорогу», 1939)

С.М. Шакиров, подводя итог исследованию смысловой парадигмы мотива дороги в русской лирике, отмечает, что в стихах-аллегориях поэтов XX века дорога может олицетворять собой:

- путь поэта (А.А. Блок, «Балаган», 1906; А.А. Ахматова «Муза ушла по дороге...», 1915);
- «накатанный путь» в светлое будущее, по которому «история гонит свой локомотив» (В.И. Нарбут, «Железная дорога», 1930);
- человеческую память, хранящую «след колес железных и зубчатых» (О.Ф. Берггольц, «На асфальт расплавленный похожа...», 1939);
- напрасно потраченные «на проселках» силы души (С.С. Наровчатов, «Регулировщица», 1944);
- напрасно прожитую «на обочине» жизнь (Н.А. Заболоцкий, «Неудачник», 1953);
- вечное «борение» в душе человека «голосов» дома и дороги (Д.С. Самойлов, «Голоса», 1960) [49, с. 41].

Произведения «дорожной лирики», по мнению С.М. Шакирова, обладают смысловой неоднозначностью, которая может подразделяться на разные группы и принимать различные формы. Существуют два смысловых «полюса», на которые следует ориентироваться при анализе мотива дороги, – «положительный» и «отрицательный». Исходя из этого, в парадигме мотива дороги выделяются четыре смысловые группы. Во-первых, когда в смысловом пучке, опредмечиваемом с помощью данного мотива, преобладают главным образом положительные смыслы, и тогда дорога/путь «притягивает». Во-вторых, могут доминировать негативные, отрицательные смыслы, и в этом случае дорога «отталкивает». В-третьих, может случиться так, что ни один из полюсов не преобладает, и тогда наблюдается равновесие и «амбивалентность» мотива дороги. Наконец, в-четвертых, в силу тех или иных причин смысловая неоднозначность может искусственным образом подавляться продуцентом, и в таком случае речь идет о «нерефлексивности» мотива дороги [50, с. 22 – 59].

ГЛАВА 2.МОТИВ ДОРОГИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Б.Ш. ОКУДЖАВЫ

2.1.Развитие мотива дороги в поэзии Б.Ш. Окуджавы

Мотив дороги в художественной системе Б.Ш. Окуджавы занимает одно из центральных мест. С мотивом дороги тесно переплетается мотив движения, который появляется уже в ранних песнях-стихотворениях Б.Ш. Окуджавы («Полночный троллейбус» (1957), «Часовые любви» (1958), «Веселый барабанщик» (1957) и др.) [17].

В большинстве случаев мотив дороги и пути в творчестве Б.Ш. Окуджавы реализуется в трех аспектах:

- как символ расставания с родным домом;
- как символ движения по бесконечным дорогам войны;
- как символ жизненного пути, в котором сегодняшняя житейская реальность сплетается и сливается с вечным, бытийным, космическим [23, с. 21].

Смысловая неоднозначность мотива дороги в поэтическом творчестве Б.Ш. Окуджавы может принимать различные формы. При классификации «дорожных» мотивов, как было отмечено в первой главе настоящего исследования, исходя из существования двух противоположных полюсов – положительного и отрицательного – выделяются четыре смысловые группы:

1. положительная (положительный полюс);
2. негативная (отрицательный полюс);
3. амбивалентная (занимает среднее положение между положительным и отрицательным полюсом);
4. нерелективная (невозможность точного определения и отнесения к той или иной группе).

Рассмотрим каждую из этих смысловых групп подробнее.

Так, положительные смыслы мотива дороги реализуются в стихотворении Б.Ш. Окуджавы «Полночный троллейбус». Дорога здесь дает возможность герою немного притупить боль, забыть о тревогах и волнениях, избавиться от чувства одиночества:

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком стучала в виске,
стихает,
стихает.

(«Полночный троллейбус», 1957)

Это стихотворение-песня повествует об одном из символов Москвы – троллейбусе, которые подобно лодке «плывет по Москве», при этом Москва сравнивается с рекой. Подобное сравнение с рекой обнаруживается и в других стихотворениях поэта, таких, как, например, «Песенка об Арбате» («Ты течешь как река...») или «В день рождения подарок» («Мы плывем ночью Москвою...»). Необходимо отметить, что образ реки в русской и мировой литературе широко используется для того, чтобы выразить различные архетипические культурные парадигмы, какими являются, например, жизнь, смерть, свобода, любовь, слово, песня и другие.

В поэзии Б.Ш. Окуджавы мотив реки символизирует постоянное движение, т.е. течение жизни, но одновременно и возвращение к истокам, очищение и спасение души. Таким образом, можно констатировать, что этот мотив включает в себя много нюансов значения и в нем «сливается, сопрягается обыденное, земное и романтическое, устремленное ввысь и вдаль, небесное и морское» [1].

К положительному полюсу мотива дороги можно отнести и известное стихотворение «Часовые любви», затрагивающее вечные темы любви, добра и зла. Уже само название поэтического произведения подчеркивает непрерывную идею движения. «Часовые любви» не спят, идут. В этом ряду даже глагол «стоят» приобретает функцию движения:

Часовые любви на Смоленской стоят.
Часовые любви у Никитских не спят.
Часовые любви
по Петровке идут неизменно...
Часовым полагается смена.

(«Часовые любви», 1958)

Неслучайно все это перерастает в поход «великой вечной армии», который «никогда... не кончится». К неостановимому движению подключается природа: «Сквозь зимы и вьюги к Москве подступает весна».

Отрицательный смысловой полюс в парадигме мотива дороги представлен в стихотворениях Б.Ш. Окуджавы чаще, чем положительный. Дорога у Окуджавы нередко выступает в качестве символа изгнания, разлуки с родным домом и близкими людьми. Так, например, ранее стихотворение «Арбат беру с собою – без него я ни на шаг» наполнено грустью и тоской в связи с необходимостью покинуть бесконечно любимую и родную улицу. Лирический герой вступает в «в заколдованный круг из рук и разлук»:

Арбат беру с собою – без него я ни на шаг, –
Смоленскую на плечи я набрасываю,
и Пресню беру, но не так, чтобы так,
а Красную, Красную, Красную
Мы въезжаем, мы въезжаем – неспроста и не вдруг –
по асфальтовой дорожке неминуемой
в заколдованный круг из рук и разлук,
с сотворенья Москвы именуемый.

(«Арбат беру с собою – без него я ни на шаг», 1957)

Вместо багажа поэт «берет» с собой в дорогу Арбат и другие знаменитые места в столице, указывая таким образом на то, что он берет с собой связанные с этими местами дорогие сердцу воспоминания, впечатления и эмоции. Эпитеты, характерные для мотива дороги, подчеркивают «отчаяние» и бремя на души поэта. Именно из-за этого во многих стихотворениях дорога приобретает

негативные черты, описывается как что-то неумолимое, неизбежное, жестокое, что отводит людей из их дома:

Дорога начиналась от порога.
Из жактовской лиловой тесноты
текла она, высокая дорога,
с которою мы не были на «ты».

(«Дорога начиналась от порога...», 1959)

В строках этого стихотворения возникает уже упомянутый мотив движения, а река течет только в одном направлении, никогда обратно, и поэтому создается впечатление, что разлука с домом окончательна и неоспорима. Это впечатление дополняют образы чемодана («но чемодана щелкнет вдруг латунь») и билета («и упадет билет в твою ладонь»). Выбор слов «вдруг» и «упадет» ясно показывает, что речь идет о нежелательной и тяжелой разлуке.

Как правило, негативные смыслы получает мотив дороги в стихотворениях Б.Ш. Окуджавы о войне. Война – один из лейтмотивов всего поэтического творчества автора. В военной лирике поэта путь является символом движения по бесконечным дорогам войны.

Сам Б.Ш. Окуджава всегда отрицал то, что война занимает главное место в его художественно-поэтической системе, утверждая, что все его стихи и песни – не столько о войне, сколько против нее. В одном из своих интервью он объяснил связь между войной, своей жизнью и своим творчеством: «Грустью и иронией, т.е. моей творческой зрелостью, я обязан главным образом войне. На войне я рассердился на жестокость судьбы, незаслуженно похитившей близких мне людей, но вместе с тем научился великому чувству прощения и понимания. Война все время со мной: попал на нее в молодое, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко» [23, с. 23].

Хотя Б.Ш. Окуджава на собственном опыте испытал все ужасы и тяготы войны, в своих стихотворениях он избегает описания батальных сцен, жестоких боев, ранений, пролитой крови или тяжелой смерти. В его военной лирике

красной нитью проходит, главным образом, мотив скорбной потери после войны, расставания, разлуки или ухода, который непосредственно связан и с мотивом дороги и дальнего пути. В качестве примера можно привести одно из ранних стихотворений под названием «Письма»:

Дороги непогодю размыты,
и сапоги раскисли от воды.
Труды командировочного быта –
какие это тяжкие труды!
Мы отправляем письма нашим милым,
но даже письма пахнут октябрём,
и авторучек синие чернила
как будто перемешаны с дождем.

(«Письма», 1956)

В этом и других стихотворениях поэта о войне мотив дороги дополняется и мотивом осенней погоды (непогоды). Непрерывно идущий дождь, который мочит одежду и сапоги и затрудняет продвижение, передает печальное и тяжелое внутреннее состояние солдат и их родных, с которыми они сейчас находятся в разлуке. Чернила «как будто перемешаны с дождем», т.е. со слезами, что еще раз подтверждает, сколь тесно связаны между собой погода и настроения, чувства и эмоции.

Таким образом, поэт рисует образ солдата не только как настоящего героя и победителя, но и как обычного человека со своими эмоциями, ощущениями и тревогами. Вместо преувеличения и идеализации образа русского воина и солдата поэт наделяет его обычными человеческими качествами, делая своих героев близкими и понятными всякому человеку.

В известной песне «До свидания, мальчики», где дорога так же выступает символом разлук, Б.Ш.Окуджава одушевляет войну, обращается прямо к ней и применяет к ней эпитет «подлая»:

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым

(«До свидания, мальчики», 1958)

Поэт акцентирует внимание на огромной губительной силе войны, которая рушит человеческие жизни и судьбы, принося с собой лишь страдания, боль и разлуку.

В философской лирике Б.Ш. Окуджавы мотив дороги в большинстве случаев становится амбивалентным или нерелективным. Дорога как символ жизненного пути включает в себя как положительные, так и негативные смыслы, где обыденная реальность сливается и сплетается тесными узлами с вечным, бытийным, космическим. Подчас читатель сам должен решить, какой именно смысл вложен в метафору дороги того или иного стихотворения.

Такое перемещение реального и нереального, вымышленного, поэтического мира является особенностью творчества Окуджавы в целом. С мотивом дороги связано «нравственно-философское осмысление жизни», т.е. размышления о самых основах бытия [17]. С мотивом дороги соединяются в поэзии Б.Ш. Окуджавы экзистенциальные вопросы бытия: В чем смысл жизни? На каких основах строится жизнь человека? Что такое смерть? Существует ли свобода? Как жить осознавая неизбежность смерти?

По Смоленской дороге – леса, леса, леса.

По Смоленской дороге – столбы, столбы, столбы.

Над дорогой Смоленскою, как твои глаза, –
две вечерних звезды голубых моих судьбы.

(«По Смоленской дороге», 1960)

В стихотворении «По Смоленской дороге» мотив дороги имеет явное двойственное значение, т.е. можно говорить об амбивалентном характере мотива. С одной стороны, дорога существует в физической реальности, она ведет через города, леса, поля, дальние земли, а с другой – «Смоленская дорога» – это метафора жизненного пути, движение которого направляет сама судьба. И поскольку обе эти дороги проходят через два совершенно разных мира, то в одну из них вплетаются земные мотивы – мотивы природы (леса, столбы), а в другую – мотивы звезд, которые в литературе часто обозначают

нечто потустороннее, идеальное, мистическое (или божественное), или являются символом наших желаний и стремлений.

Такую двойственную природу мотива дороги можно обнаружить и в песне «Дорожная песня», где сопоставляются два лейтмотива поэтического творчества Б.Ш. Окуджавы – любовь и разлука:

Тоберег, томоре, тосолнцетовьюга,
То ласточки, то воронье...
Две вечных дороги – любовь и разлука –
Проходят сквозь сердце мое.

(«Дорожная песня», 1982)

Амбивалентная природа мотива дороги прослеживается во многих других стихотворения Б.Ш. Окуджавы.

Если говорить о такой смысловой категории мотива дороги, как нерелективность, то она представляется наиболее сложной, субъективной и противоречивой, и в поэзии Б.Ш. Окуджавы обнаруживается крайне редко. Как правило, поэт теми или иными способами и языковыми средствами пытается создать определенное настроение, вызвать эмоцию, и дорога в лирике автора в основном либо притягивает к себе, либо отталкивает, или же выполняет и то и другое. С нашей точки зрения, нерелективным мотив дороги отчасти становится, к примеру, в позднем стихотворении Б.Ш. Окуджавы:

По какой реке твой корабль плывет
до последних дней из последних сил?
Когда главный час мою жизнь прервет,
вы же спросите: для чего я жил?

(«По какой реке плывет корабль», 1988)

Поэт задает риторический вопрос о смысле земного пути человека, используя образ реки и корабля. Какой оттенок – положительный или негативный – имеет здесь плывущий по реке жизни корабль, имеет ли он цель или путь его случаен и бессмыслен, читатель может определить лишь сам для себя.

Классификация исследуемых в работе стихотворений Б.Ш. Окуджавы с точки зрения их принадлежности к определенной смысловой группе или полюсу в парадигме мотива дороги представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Классификация мотива дороги в стихотворениях Б.Ш. Окуджавы

Название стихотворения, где присутствует мотив дороги	Датировка	Тема	Смысловая группа / полюс
«Письма»	1956	Тяготы и разлука из-за войны	Отрицательный
«Полночный троллейбус»	1957	Полночная поездка как спасение от беды и одиночества	Положительный
«Веселый барабанщик»	1957	Жизнь как дорога, полная суматохи, будничного и возвышенного	Амбивалентный
«Арбат беру с собою – без него я ни на шаг»	1957	Разлука с родным домом	Отрицательный
«Пароход прощается басом...»	1957	Круговорот жизни и краткость жизненного пути	Амбивалентный
«Часовые любви»	1958	Тема любви, добра и зла	Положительный
«До свидания, мальчики»	1958	Тяготы войны и разлука	Отрицательный
«Песенка об	1959	Посвящение и ода	Положительный

Арбате»		родному Арбату	
«Дорога начиналась от порога...»	1959	Прощание и расставание с дорогими людьми и местами	Отрицательный
«По Смоленской дороге»	1960	Любовь и разлука	Амбивалентный
«Дежурный по апрелю»	1960	Одиночество	Нерефлективный
«Песенка об открытой двери»	1959–1961	Душевное благородство и помощь	Амбивалентный
«Песенка о пехоте»	1961	Дорога как жизненный путь человека	Амбивалентный
«Ночной разговор»	1962	Необходимость жизненного пути, невозможность с него свернуть	Амбивалентный
«Главная песенка»	1962	Возникновение песенки, ее авторства и модуса существования	Нерефлективный
«Умереть – тоже надо уметь...»	1966	Смерть и творческое бессмертие (слава)	Амбивалентный
«Старинная студенческая песня»	1967	Смерть	Отрицательный
«Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых»	1980-е	Жизнь как река, полная страданий, тревог, но в же время и радости	Амбивалентный
«Дорожная	1982	Любовь и разлука	Амбивалентный

песня»			
«В день рождения подарок»	1986	Судьба и смысл жизни	Нерефлективный
«Чувствую: пора прощаться...»	1986	Смерть	Отрицательный
«Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?..»	1988	Разлука и смерть	Амбивалентный
«По какой реке корабль плывет»	1988	Смерть и смысл жизни	Нерефлективный

Исходя из данной классификации мотива дороги в поэтической системе Б.Ш. Окуджавы, можно сделать следующие выводы.

Мотив дороги прослеживается, главным образом, в раннем творчестве автора: большинство стихотворений, где так или иначе присутствует мотив дороги, пути или путешествия, было создано в 1950–1960-е годы. При этом, именно в ранние годы мотив дороги окрашен положительными, светлыми оттенками, тогда как в зрелом творчестве исключительной положительный полюс мотива дороги отсутствует вовсе: лирика становится более серьезной, глубокой и отчасти мрачной. В зрелом творчестве на первый план выходит тема смерти.

Самая частотная смысловая группа – амбивалентность мотива дороги (куда отчасти можно включить и нерефлективность). Это представляется логичным и закономерным, поскольку дорога в поэтическом мире Б.Ш. Окуджавы редко может заключать в себе исключительно положительные или, наоборот, негативные оттенки смысла. Дорога как символ жизненного пути человека объемна, многогранна и извилиста. Вот почему, на наш взгляд, стихотворения, в которых виден только положительный или отрицательный полюс мотива дороги, представлены в лирике автора гораздо реже.

Положительный полюс в парадигме мотива дороги имеют стихотворения, которые посвящены родным местам (Москве, Арбату, Кремлю, московскому троллейбусу и др.). Отрицательный полюс дорожного мотива наблюдается в тех поэтических произведениях Б.Ш. Окуджавы, где присутствуют темы расставания, разлуки, войны и смерти. К амбивалентной и нерелективной смысловой группе анализируемого мотива относятся стихотворения разных лет, написанные, как правило, на философские темы и затрагивающие экзистенциальные вопросы бытия (смысл жизни человека, проблема любви, одиночества и смерти, сущность творчества и т.п.).

2.2. Особенности мотива дороги в стихотворениях Б. Окуджавы

В данном параграфе будет детально проанализированы особенности мотива пути и дороги в стихотворениях Булата Окуджавы разных лет.

Как известно, мотив дороги, пути и путешествия явственно обнаруживается уже в ранних стихотворениях Б. Окуджавы:

Из конца в конец апреля путь держу я.

Стали звезды и круглее и добрее...

– Мама, мама, это я дежурю,

Я – дежурный по апрелю!

(«Дежурный по апрелю», 1960)

В «Песенке об открытой двери» (1959, 1961) слово путь тоже повторяется дважды, и не только с целью подчеркнуть ритмический рисунок, но и для семантической, смысловой убедительности:

Когда метель кричит, как зверь –

Протяжно и сердито,

Не запирайте вашу дверь,

Пусть будет дверь открыта.

И если ляжет дальний путь

Нелегкий путь, представьте,

Дверь не забудьте распахнуть,

Открытой дверь оставьте.

<...>

Пусть будет теплою стена

И мягкой – скамейка...

(«Песенка об открытой двери», 1959/1961)

Как отмечает А.О. Клинг, «в поэтическом языке Окуджавы, в том числе в “Песенке об открытой двери”, есть (среди многих других) одна особенность. В обычной речи просто служебная частица, а у Окуджавы особо значимая, весомая лексическая единица (это тоже подтверждается повтором) *пусть* в силу

своего семантического и ритмического ореола тянет за собой слово *пусть*. *Пусть* в начале последнего стиха первой строфы образует аграфическую внутреннюю рифму со словом *пусть* в концовке первого стиха второй строфы. Затем этот *пусть* переключается со словом *пусть* в начале четвертой строфы. Образуется своеобразный семантический и фонический стержень, своего рода мост, один из важнейших в стихотворении: *пусть – пусть – пусть*» [22, с. 43].

Главный семантический стержень в «Песенке об открытой двери», конечно, связан с дверью, обозначенной еще в названии. Но нетрудно заметить, что в контексте стихотворения незапертая, распахнутая, «открытая дверь» является синонимом мифологемы пути, образуя с ней единый смысловой ряд, оппозиционный «дверям закрытым». Это отчетливо проявляется в другом стихотворении 1961 года – «Песенке о пехоте», где представление о жизни как о пути и открытая дверь сливаются в новый лексический афоризм:

Нас время учило:
живи по-походному, дверь отворя.
Товарищ мужчина,
а все же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе,
и только одно отрывает от сна:
куда ж мы уходим,
когда над землею бушует весна?

(«Песенка о пехоте», 1961)

Такое понимание жизни – в более позднем стихотворении: «Умереть – тоже надо уметь...»:

Что – грехи?
Остаются стихи,
Продолжают бесчинства по свету,
не прося снисхожденья...
Кабы вправду – грехи,
а грехов-то ведь нету...

Есть просто движенье!

(«Умереть – тоже надо уметь...», 1966)

Нередки в стихотворениях Б.Ш. Окуджавы образы трамвая, поезда и троллейбуса. Так, наблюдаются устойчивые тенденции изображения указанных видов транспорта, связанные с романтическими образами и мотивами, в том числе – предопределенности судьбы, невозможности свернуть с намеченного пути (в отличие от других видов транспорта, трамвай, поезд и троллейбус вынуждены ехать там, где проложены рельсы и висят провода).

Подобные мотивы прослеживаются в стихотворении Б.Ш. Окуджавы «Полночный троллейбус»: лирический герой, когда к нему «подступает отчаянье», садится в троллейбус, которому даны характеристики «последний» и «случайный». Для героя ночная поездка на троллейбусе является способом сбежать от настоящего, вспомнить что-то важное, а «синий» «случайный» троллейбус превращается в оплот спасения. Оказавшись в троллейбусе, лирический герой словно путешествует на корабле, «плывет по Москве» и собирает с другими пассажирами-«матросами» «потерпевших крушение».

С помощью образа троллейбуса пространство в стихотворении Б.Ш. Окуджавы обретает двойственность: с одной стороны, лирический герой все еще находится в реальном пространстве Москвы и разъезжает на троллейбусе по ночным улицам, с другой – это пространство в сознании лирического героя преобразуется, в реальных предметах появляются отголоски романтической морской тематики: корабль, море, матросы.

Мифологема дороги, пути предстает в стихотворении «Полночный троллейбус» как одна из первооснов поэтического мира Окуджавы. Она подчеркивается не только на уровне лирического героя («я в синий троллейбус сажусь на ходу», «уходил от беды»), но и на уровне своеобразного двойника субъекта лирики – синего троллейбуса, который «вершит по бульварам круженье», «плывет».

Троллейбус трансформируется в еще одного двойника лирического «я» Окуджавы – пароход. В стихотворении «Пароход пощается басом...» пароход связан с семантикой дороги:

А кто-то кричит мне с порога:
– Это ж не дорога, а морока!..
А мне спешить далеко-далеко:
жизнь не дается на два срока.

(«Пароход пощается басом...», 1957)

Наконец, в еще одном стихотворении 1957 года, «Глаза – неведомые острова», восходящем к жанру любовной элегии, дается, на первый взгляд по частному поводу, универсальное поэтическое самоопределение – «прикинусь странником».

Еще один вариант пути – не земного и не речного – небесного, в полете. Это знаменитый голубой шарик, что «улетел», «летит», «вернулся». Это многозначный символ, который прочитывается и как часть предметного мира (надувной шарик), и как земной шар, и как мечта о некоем загадочном инобытии. Он тоже связан с идеей (а это важная сторона любого символа) неостановимого движения.

Некоторые исследователи подчеркивают связь лирики Б.Ш. Окуджавы с блоковской традицией. Важнейший знак родства и преемственности – мотив пути, основополагающий и для того, и для другого художественного мира.

Так, Д.В. Мосова в своих работах акцентирует внимание на связи поэтического мира двух авторов, у которых чувство пути отчетливо выражено [30]. Например, стихотворение «Ночной разговор» имеет переключку с блоковским источником:

Мой конь притомился. Стопталась мои башмаки.
Куда же мне ехать? Скажите мне, будьте добры.
– Вдоль Красной реки, моя радость, вдоль Красной реки,
До Синей горы, моя радость, до Синей горы.

(«Ночной разговор», 1962)

Образ утомленного коня, как и у Блока, повторяется, что исключает простое совпадение. Приведем часть стихотворения русского символиста:

Дорога моя тяжела, далека,
В недвижимом томлении лес.
Мой конь утомился, храпит подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.

(«Лениво и тяжело плывут облака», 1900)

Можно предположить также, что блоковский образ песни как спутника и друга по-особому воспринимался в 1960-е годы – «эпоху бардов», и песенный «Ночной разговор» стал ответом на стихотворение Блока о песне. Что содержит в себе этот ответ? В стихотворении Блока дорожные реалии: лениво и тяжело плывущие облака, недвижимый истомленный лес – символизируются в духе двоемирия. Связующим началом двух миров становится далекий поющий голос. В песне воплощено надличностное начало (кто поет?), заключена мистическая сила: именно песня ведает о цели героя, она направляет, указывает путь. Кольцевая композиция говорит о том, что герой, преодолевающий трудности дороги, не становится ближе к родимому приюту. Но пока странник слышит голос спутника и друга, он исполнен веры и мужества [30, с. 241].

Оба поэта акцентируют, с одной стороны, тяжесть пути, а с другой – его жизненную необходимость, невозможность «свернуть» или удовлетвориться достигнутым. Но страннику Блока песней обещан родимый приют, и героя отделяет от заветной цели только время: «Когда-то родимый приют?». Странник Окуджавы вопрошает о самой цели: «Куда же мне ехать...»; финальная строфа усиливает впечатление зыбкости мира, неопределенности стремлений:

И снова он едет один без дороги во тьму.
Куда же он едет, ведь ночь подступает к глазам!..

– Ты что потерял, моя радость? – кричу я ему.

И он отвечает: – Ах, если б я знал это сам...

(«Ночной разговор», 1962)

«Мифологема пути, – утверждает А. О. Клинг, – позволяет увидеть как неизменные, константные черты лирики Окуджавы, без которых поэтический мир распался бы, так и ее эволюцию» [22, с. 54].

Путешествие, путь, дорога, улица, идея непрерывного движения предстают как одна из основ поэтического мира Б.Ш. Окуджавы. Веселый барабанщик – еще один двойник поэта (само это двойничество, существование или сосуществование целой системы двойников традиционно возводится к символизму). Стих «с барабаном вдоль по улице идет» повторяется в третьей строфе, в четвертой видоизменяется («...веселый барабанщик / вдоль по улице проносит барабан»), но «Вдоль по улице» остается неизменным. Улица – символ противоречивой жизни, с ее «суматохой», «звоном трамваев», «людским водоворотом», «сумятицей», «полночью» и «туманом», но возвышенное, оптимистическое отношение к этой жизни аккумулировано в веселом барабанщике. Однако в вопрошающей интонации, с которой поэт обращается к «ты» («Неужели ты не слышишь...»), скрыт некоторый допуск, что такое видение мира доступно не всем.

Ключевые для творчества Окуджавы стихотворения «Часовые любви на Смоленской стоят...», «Песенка об Арбате», «Арбатский дворик», «По Смоленской дороге» тоже соотносятся с мифологемой пути.

Сомнение Окуджавы в целесообразности пути уживалось в «Главной песенке» (1962) с иным, более сложным, амбивалентным видением мира и предвидением «грядущего трубача»:

Сквозь время, что мною не пройдено,
сквозь смех наш короткий и плач
я слышу: выводит мелодию
какой-то грядущий трубач.

(«Главная песенка», 1962)

«Грядущий трубач» вырастает из корневого орнамента в словах «пройдено», «выводит». В последней строфе появляется «скрещенье дорог» как знак верности идее пути.

Наконец, в самом мифологизированном словесно-музыкальном произведении Окуджавы – «Старинной студенческой песне» (1967) – тоже присутствует мотив «дальней дороги», которую «сулит», правда, не судьба, а «безумный... султан» (здесь дорога не столько в привычном для поэта значении судьбы, сколько в своем изначальном смысле). В последней строфе звучит мотив другой дороги как символа смерти – перехода в инобытие, это хотя и будущее, но неотвратимое:

Пока безумный наш султан
сулит нам дальнюю дорогу,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, ей-богу.

<...>

Пока ж не грянула пора
нам отправляться понемногу,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, ей-богу.

(«Старинная студенческая песня», 1967)

Тема дороги будет звучать в названии стихов: «Песенка о дальней дороге» (1967), «Дорожная песня» (1982). Но все чаще будет встречаться у Окуджавы развернутая метафора людской судьбы как реки:

То пепел, то кровь, а то слезы – житейская наша река.
Лишь редкие красные розы ее украшают слегка.
И так эта реченька катит, и так не устала катить,
Что слез никаких и не хватит, чтоб горечь утрат оплатить.

(«Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых», 1980-е)

Устойчивый, как можно было уже видеть, образ улицы-реки («...Пятницкой, счастливой, как река») вызывает в одном из зрелых

стихотворений, начинающегося с мажорного заявления «Как мне нравится о Пятницкой в машине проезжать!..», трагическое чувство личностного промежутка, зависания между «там» и «здесь» (здесь цитата из стихотворения «Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых...»): «...эта странная раздвоенность, растерянность моя».

В одном из итоговых для Б.Ш.Окуджавы стихотворений «Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?..» лирический герой «...на гордых тонких ножках семенит в святую даль» (та самая дорога-смерть, что была в последней строфе «Старинной студенческой песни»), констатируя распад своей главной веры:

Не сужу о вас с пристрастьем, не рыдаю, не ору,
Со спокойным вдохновеньем в руки тросточку беру
И на гордых тонких ножках семеню в святую даль.
Видно, все должно распасться. Распадайся же... А жаль.

(«Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?..», 1988)

Лирика зрелого периода творчества Б.Ш. Окуджавы имеет явный метафизический (философский) характер. Поэтому мотив дороги и пути в стихотворениях этого времени (1980-е годы) все чаще связывается не с жизнью, а со смертью. Так, к примеру, этот мотив – с негативной коннотацией – звучит в стихотворении, которое уже в первой строке передает главную мысль автора: «Чувствую: пора прощаться»:

Приходите, что вам стоит!
Путь к дверям не занесен.
Оля в холле стол накроет:
на четырнадцать персон.

(«Чувствую: пора прощаться...», 1986)

Здесь в сравнении с ранней «Песенкой об открытой двери», о которой шла речь выше, где распахнутая дверь является символом большой, еще неистраченной жизни, своего рода обратный путь – к дверям. Этот путь обретает свою сущность в последней строфе стихотворения:

Был наш путь не слишком гладок,
Будет горек черный час...
Дух прозренья и загадок
пусть сопровождает нас.

(«Чувствую: пора прощаться...», 1986)

В прощальном с жизнью ключе развивается мифологема пути в стихотворении, начинающемся так:

По какой реке твой корабль плывет
до последних дней из последних сил?
Когда главный час мою жизнь прервет,
вы же спросите: для чего я жил?

(«По какой реке корабль плывет», 1988)

Можно заключить, что с помощью частых мотивов движения, дороги и пути в поэтических текстах, Б.Ш. Окуджава образует живую, целостную, движущуюся художественную систему. Дорога становится воплощением жизненного пути и судьбы человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию мотива дороги в лирике Б.Ш. Окуджавы, можно сделать следующие выводы. Мотив дороги и связанные с ним мотивы пути, путешествия, улиц, транспортных средств (парохода, троллейбуса, трамвая), непрерывного движения занимают одно из центральных мест в индивидуально-авторской поэтической картине мира.

Мотив и образ дороги воплощают собой метафору жизненной цели и судьбы человека – как в прямом (дорога в физической реальности), так и в переносном (духовный путь личности, странствование души) смысле. В песнях и стихотворениях Б.Ш. Окуджавы мотив дороги зачастую оказывается семантически связан с мотивами утраты, разлуки, потери, войны и т.п. Само пространство дороги имеет трехчастную структуру: начало – точка отсчета – пути, процесс пути и его завершение. Лирический герой постоянно находится в путешествии, непрерывно совершает путь по дороге для того, чтобы понять окружающую действительность и лучше познать самого себя; он вечный путник и странник.

На языковом уровне мотив пути находит свое выражение с помощью лексем с семантикой движения и с пространственной семантикой. Во многих случаях мотив дороги реализуется с помощью метафор, относящихся к водному пространству.

Мотив дороги позволяет выявить, с одной стороны, константные, неизменные черты лирики, без которых художественная реальность распалась бы на куски, с другой – эволюцию и трансформацию самого мотива дороги, который красной нитью проходит сквозь все творчество Б.Ш. Окуджавы. Поэт, наследуя богатую литературную традицию, многое черпает из классических образцов (так, особенно явно прослеживаются связь с творчеством А.С. Пушкина и А.А. Блока), но в то же время он по-своему эту традицию перерабатывает.

В ходе анализа поэтического материала удалось установить, что мотив дороги (пути / путешествия) в лирике Б.Ш. Окуджавы может реализовываться в нескольких различных планах:

- как символ разлуки с родным домом, символ скитания и изгнанничества;
- символ движения по бесконечным дорогам войны;
- как символ жизненного пути (реки жизни) и предназначения человека на земле, в котором житейская реальность соединяется с бытийным, вечным, божественным, космическим.

При анализе классификации мотива дороги в поэтической системе Б.Ш. Окуджавы с точки зрения четырех смысловых групп (положительный, отрицательный, амбивалентный или нереплексивный мотив), можно сделать следующие выводы. Мотив дороги, главным образом, обнаруживается в ранних стихотворениях Б.Ш. Окуджавы (конец 1950-х – середина 1960-х годов).

Наиболее частотную смысловую группу составляют стихотворения, в которых дорога представляется амбивалентной: дорога как символ жизненного пути содержит много страданий, печалей и тревог, но в то же время счастливые и радостные моменты дают силы двигаться дальше. Это стихотворения «Веселый барабанщик» (1957), «Пароход попрощается басом» (1957), ««Взяться за руки не я ли призывал вас, господи?..» (1988) и многие другие.

Отрицательный полюс мотива дороги у советского поэта и барда связан, прежде всего, с темами разлуки, изгнания, расставания, как, например, в стихотворениях «Арбат беру с собою – без него я ни на шаг» (1957), «Дорога начиналась от порога» (1959) и другие. Негативные смыслы мотива дороги также обусловлены войной (которая сама по себе является лейтмотивом в творчестве Б.Ш. Окуджавы) и ее губительной силой, разрушающей человеческие жизни и судьбы: здесь можно назвать такие стихотворения, как «Письма» (1956), «До свидания, мальчики» (1958).

Гораздо реже представлены чисто положительные смыслы мотива дороги в контексте одного цельного стихотворения. В этом случае, как правило, дорога

выступает в качестве символа надежды, дает лирическому герою возможность спрятаться и укрыться от житейских невзгод или на время забыть о них, избавиться от чувства одиночества и лучше познать себя и окружающий мир. К таковым можно отнести такие стихотворения. Как «Полночный троллейбус» (1957), «Часовые любви» (1958), «Песенка об Арбате» (1959).

Если говорить о развитии мотива дороги в рамках поэтического мира автора, то, можно отметить, что в ранних стихотворениях Б.Ш. Окуджавы дорога воспринимается как символ длинного пути еще неистраченной человеческой жизни, здесь присутствует элемент авантюризма и любопытства, тогда как в зрелых и поздних лирических произведениях отчетливо появляется связанная с мотивом пути тема смерти; смерть становится последней, финальной точкой в путешествии человека на земле.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1.Абельская Р.Ш. Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Ш. Абельская. – Екатеринбург, 2003. – 21 с.
- 2.Александрова М.А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке»: дис. ... доктора филол. наук / М. А. Александрова. – Нижний Новгород, 2021. – 630 с.
- 3.АрхангельскаяА.М. Семантика ДОРОГИ во фразеологии славянских языков: соотношение сакрального и профанного /А.М. Архангельская // OPERA SLAVICA. – 2015. – Т. XXV, № 4. – С. 3–17.
- 4.Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234–407.
- 5.Блок А.А. Очерки, статьи, речи– URL: http://teatr-lib.ru/Library/Blok/T_5/ (дата обращения: 20.12.2023)
- 6.Бойко С.С. Поэзия Булата Окуджавы как целостная художественная система: Дис. канд. фил. наук. М.: МГУ, 1999. — 193 с.
- 7.Бойко С.С. За каплями Датского короля: Пути исканий Булата Окуджавы // Вопросы литературы. 1998.№5. С.11.
- 8.БойкоС.С. «О минуте возвышенной пробы...»: Поэзия Булата Окуджавы / С.С. Бойко. – М.: Кругъ, 2010. – 192 с.
- 9.Бойко С.С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века: монография / С.С. Бойко. – М., 2013. – 602 с.
- 10.Быков Д.Л. Булат Окуджава / Д.Л. Быков. – М.: Мол. гвардия, 2009. – 777 с.
- 11.Бутаева З.А. Художественное своеобразие ранней лирики Б.Ш. Окуджавы: 1950–60-е годы:автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.А. Бутаева. – Махачкала, 2011 – 24 с.
- 12.Гончарова Л.А. Тема железной дороги в русской поэзии XIX–XX веков / Л.А. Гончарова // Феноменология транспорта в литературе: прошлое, настоящее, будущее: материалы II Междунар. науч.-методолог. конф. (Гомель,

- 20 мая 2022 г.) / М-во трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп.; под общ. ред. Т.А. Власюк. – Гомель: БелГУТ, 2022. – С. 40–47.
13. Грунина Л.П. Мотив дороги в лирике Р.И. Рождественского: лингвостилистический аспект анализа / Л.П. Грунина // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 52–57.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка – URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 25.12.2023).
15. Дзаурова Л.А. Роль мотива дороги в лирике С.А. Есенина / Л.А. Дзаурова // Международный научный журнал «Вестник науки», 2021. – № 3 (36), Т.2. – С. 24–29.
16. Дубшан Л. О природе вещей: Предисл. // Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 5-55.
17. Жихарева В.А. Мотив дороги в русской литературе / В.А. Жихарева // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Калуга, 08–09 апреля 2020 года. – Калуга: Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского, 2020. – С. 714–718.
18. Зайцев В.А. Музыка арбатского двора (Поэтический мир Булата Окуджавы) – URL: <https://md-eksperiment.org/post/20170412-muzyka-arbatskogo-dvora-poeticheskij-mir-bulata-okudzhavy> (дата обращения 22.12.2023).
19. Зайцев В.А. Окуджава. Высоцкий. Галич: Поэтика, жанры, традиции. — М., Тверь: Твер. обл. тип., 2003. — 272 с.
20. Керашева Ф.Н. Религиозно-мифологический мотив пути в русском и немецком романтизме: дис. ... канд. филол. наук / Ф. Н. Керашева. – Краснодар: КубГУ, 2007. – 199 с.
21. Кипнес Л.В. Модель мира природы в поэзии В.С. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы: альманах. Вып. VIII/ науч. Ред. П.П. Ткачева. – М.: ГБУК г. Москвы ГКЦМ В.С. Высоцкого «Дом Высоцкого на Таганке», 2015. – 400 с.: ил., [4 л.] ил.

- 22.КлингО.А.«...Дальняя дорога дана тебе судьбой...». Мифологема пути в лирике Булата Окуджавы/О.А.Клинг//Вопросы литературы.–2002 – №3. – С. 43–57.
- 23.Knežević S. Poetic of Space in the Poetry of Bulat Okudzhava (Topos of Moscow). – Zagreb, 2018.
- 24.Красильникова М.Б. Смысловая оппозиция дорога / дом в контексте культурного перехода / М. Б. Красильникова // Культура и текст. – 2008. – №11. – С. 203–214.
25. Куприянова А.И. Мотив пути в прозе В.П. Аксенова 1960-1970-х гг./автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук/Тюменский государственный университет. Тюмень, 2007.
- 26.Лейдерман Н.Л. Песенки Булата Окуджавы // Современная русская литература: 1950-1990-е годы: учеб. пособие: в 2-х т. Т. 1. 1953-1968 / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкая. – М.: Академия, 2003. С. 121-139.
- 27.Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. – Тарту, 1968. – С. 47.
- 28.МальцеваЕ.А. Антиномии образа железной дороги в литературе // Феноменология транспорта в литературе: прошлое, настоящее, будущее : материалы II Междунар. науч.-методолог. конф. (Гомель, 20 мая 2022 г.) / М-во трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп.; под общ. ред. Т. А. Власюк. – Гомель : БелГУТ, 2022. – С. 80-85.
- 29.Миниханова, Л.К., Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности. // Вестник Башкирского университета. 2012. Т.17 №3 (I). С. 1626-1627.
- 30.Мосова Д.В. Блоковский импульс в стихотворении Булата Окуджавы «Ночной разговор» / Д. В. Мосова // Вестник ННГУ. – 2014. – №2-2. – С. 241–244.
- 31.Мосова Д.В. Блоковская традиция в лирике Булата Окуджавы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Мосова. – Нижний Новгород, 2016. – 23 с.

32. Неклюдов С.Ю. Движение и дорога в фольклоре / С.Ю. Неклюдов // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiserouten – Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verl. Otto Sagner, 2007. – S. 206–222.
33. Новиков Вл.И. Булат Окуджава // Авторская песня / Сост. В.И. Новиков. М.: Олимп; ООО Фирма «Издательство АСТ», 2000. – С. 1557.
34. Окуджава Б.Ш. Стихотворения / Вступ. статьи А.С. Дубшана и В.Н. Сажина. Сост. В.Н. Сажина и Д.В. Сажина. Примеч. В.Н. Сажина. – СПб.: Академический проект, 2001. – 712 с.
35. Окуджава Б. Стихотворения. Серия: Новая библиотека поэта. СПб.: Академический проект, 201 – 712 с.
36. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
37. Розенблюм О.М. Раннее творчество Окуджавы: опыт реконструкции биографии: дис. ... канд. филол. наук / О. М. Розенблюм. – М., 2005. – 539 с.
38. Romanska, M. Bulat Okudzhava: Bard and Voice of a Waking Russian Nation: diss. PhD. – McGill University, Montreal, 2002. – 251 pp.
39. Семькина Е.Н. Мотив пути в лирике С.А. Есенина / Е.Н. Семькина. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2018. – 69 с.
40. Силантьев И.В. Мотив в системе художественного повествования: дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Силантьев. – Новосибирск: НГПУ, 2001. – 278 с.
41. Словарь литературных терминов // [Электронный ресурс] – URL: <http://litterms.ru/>
42. Соколова И.А. Формирование авторской песни в русской поэзии (1950–1960-е гг.): дисс. канд. филол. наук / И. А. Соколова. – М.: МГУ, 2000. – 179 с.
43. Сытина Ю.Н. «Русь, куда ж несешься ты?»: от «птицы-тройки» до железной дороги (Гоголь, Достоевский и другие) / Ю.Н. Сытина // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16. № 4. – С. 115–139.
44. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика (1925). – М., 1996. – С. 176–178.

- 45.Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира: энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 352–353.
- 46.Тришина Е. «Разные судьбы» – 1995: [Беседа с Булатом Окуджавой в эфире радиостанции «Эхо Москвы»] // Голос надежды: Новое о Булате. – Вып. 10 / сост. А.Е. Крылов. – М.: Булат, 2013. – С. 204–230.
- 47.Ужахова Р.К. Мотив «путь/ дорога» в русской литературе / Р.К. Ужахова // Рефлексия. – 2014. – № 5-6. С. 40–46.
- 48.Хализев, В.Е. Теория литературы. – М.: Высш. шк., 2004. – 404 с.
- 49.Черепанова О.А. Идти «въ поути господня» (из истории концепта «путь») // Культурная память в древнем и новом слове. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 175–186.
- 50.ШакировС.М. О смысловой парадигме мотива дороги в русской лирике XIX-XX веков / С.М. Шакиров // Вестник ЧелГУ. – 2001. №1. – С. 22–59.
51. Шевцова Г.И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А.И. Грина (мотивный аспект). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук \ Елец.гос. ун-т им. И.А. Бунинна, Елец, 2003.
- 52.ШестеркинаН.В., Рогачев В.И. Мифопоэтика дороги (на материале народных русских загадок) / Н. В. Шестеркина, В. И. Рогачев // Вестник славянских культур. – 2020. – №4. – С. 138–150.
53. Шилов Л. Феномен Булата Окуджавы. М.: Гос. лит. музей, 1998. -20 с.
54. Шмидт С.О. Арбат Булата Окуджавы: От редактора // Арбатский архив. -М.: Тверская, 13, 1997. С. 122-125.